

— Не бойся, — Лу Цзыяо поднял пухлого малыша и ласково подбодрил: — Наш седьмой принц — самый-самый сильный и умелый, правда?

Седьмой принц похлопал длинными ресницами и честно ответил:

— Самый-самый несильный.

Лу Цзыяо: «...»

Есть ли вообще у этого Лун Аотяня хоть капля достоинства?

— Неправда, а вот я считаю, что ваше высочество — самый лучший. — Лу Цзыяо снял его со стула, присел перед ним на корточки и, глядя на него снизу вверх, тихо произнес: — Ваше высочество — настоящий мужчина, вам не нужно бояться третьего принца. Мужчина должен защищать тех, кого любит, и быть храбрым.

Седьмой принц наклонил головку и с полусловом уставился на Лу Цзыяо. Пустую коробочку из-под молока «Ванцзай» он все еще жалел выбросить и, не теряя надежды, снова сделал пару сухих вдохов из пустой коробки.

— Ваше высочество — мужчина, Лу Цянь — мужчина, — Лу Цзыяо ткнул пальцем в грудь пухляша. — А у настоящего мужчины есть те, кого он любит?

Седьмой принц задрал голову, задумался и пробормотал в ответ:

— Люблю матушку, люблю шестого...

Лу Цзыяо едва заметно улыбнулся.

Неудивительно, что у шестого в итоге всё сложилось лучше всех: оказывается, в сердце седьмого принца он уступал лишь матушке.

А седьмой принц продолжал серьезно перечислять:

— Люблю пятого, старшего брата, Императора, глупого Лу Цзыяо...

Сердце Лу Цзыяо екнуло.

Ах ты, пухлый малец!

А ну объяснись, почему только перед именем «Лу Цзыяо» стоит определение?!

Кто это глупый?

Кто сказал, что Лу Цзыяо глупый?!

Ах ты, толстячок, ты все еще помнишь ту прошлую ошибку с «сначала совершить самоубийство, а потом убить коррумпированного чиновника»! Ах ты, злопамятный негодник!

Впрочем, Лу Цзыяо и впрямь не ожидал, что маленький Лун Аотянь упомянет его имя. Неужели это заслуга двух коробочек молока «Ванцзай»?

Решив пока не ссориться с этим малышом, «глупый Лу Цзыяо» с добродушным терпением продолжил направлять его:

— А не хочет ли ваше высочество набраться храбрости и защищать их?

Седьмой принц посмотрел на Лу Цзыяо и серьезно ответил:

— Они защищают принца.

Лу Цзыяо: «...»

Что же делать, этому Лун Аотяню вообще наплевать на свое достоинство! У других главный герой рвется защищать любимых, а его главный герой позволяет любимым людям защищать себя. О каком процветании тут вообще может идти речь!

— Они защитят ваше высочество, но если у них не хватит сил, захочет ли ваше высочество набраться храбрости и вместе с ними дать отпор злодеям? — спросил Лу Цзыяо.

Седьмой принц ненадолго задумался и кивнул пухлым личиком.

— Тогда в будущем, если встретите злодея, ваше высочество, не прячьтесь! Мы ведь не боимся его, правда? Будем такими же свирепыми, как он. А если он посмеет обидеть ваше высочество, сразу расскажем Императору.

Услышав слово «злодей», седьмой принц тут же вспомнил третьего брата и моментально струсил, с обиженным выражением на пухлой мордочке уставившись на Лу Цзыяо.

— Не бойся, — подбодрил его Лу Цзыяо. — Будь храбрым! Ваше высочество, покажите, как вы умеете быть свирепым?

Седьмой принц немного помялся.

— Молоко получит только послушный принц, — добавил Лу Цзыяо.

Седьмой принц моментально проникся этой угрозой: надул губки, состряпал «грозное» выражение на пухлом личике и скорчил Лу Цзыяо рожицу!

Лу Цзыяо: «...Маловато свирепости».

Седьмой принц подумал немного и начал издавать носом грозное сопение, словно маленький волчонок.

Лу Цзыяо посмотрел на него с удрученным видом.

Увидев, что тот всё ещё не испугался, седьмой принц набрал в грудь воздуха, зарычал еще громче и... медленно сжал пустую коробку молока «Ванцзай», демонстрируя силу!

Лу Цзыяо: «...»

Что ж, раз уж маленький Лун Аотянь так старается, придется притвориться испуганным.

Дворец Цинцун.

В спальнях покоев си-фэй сидела перед зеркалом, пока Ицю укладывала ей волосы и вставляла шпильки. Доверенная служанка Чуньфан стояла подле них и, закончив докладывать об обстановке в учебной палате, опустила голову в ожидании вопросов от си-фэй.

Услышав о том, что придирки третьего принца в самом разгаре были прерваны людьми тун-фэй, си-фэй не выразила привычного облегчения и благодарности. Напротив, она холодно усмехнулась:

— Раньше я думала, что тун-фэй заботится о безопасности Седьмого и сдерживает этого выродка, третьего. Только теперь я поняла: она просто боится, что дело пойдет слишком далеко и дойдет до Императора.

— Шила в мешке не утаишь, — произнесла Ицю, глядя на отражение си-фэй в зеркале. — С какой стати позволять госпоже тун-фэй заминать это дело? Император из тридцати ночей в месяце больше десятка проводит у нашей госпожи. Стоит госпоже лишь шепнуть ему пару слов на ухо, и третий принц больше не посмеет устраивать неприятности.

Си-фэй горько улыбнулась:

— Ты думаешь, императорская милость так уж прочна? В прошлом месяце я едва пожаловалась, что Третий сломал деревянную лошадку, и Император уже принял решение. Если я снова и снова буду цепляться к Третьему, Император может подумать, что я сама ищу повод для ссор.

— Но ведь это третий принц сам задирает нашего принца, — нахмурилась Ицю. — К тому же, едва получив выговор от Императора, третий принц не только не раскаялся, но стал вести себя еще развязнее. Это как раз лучший момент, чтобы прижать его.

Си-фэй вздохнула и тихо промолвила:

— Император не станет по-настоящему наказывать третьего принца. Я часто нахожусь подле него, и если бы не умела считывать отношение Его Величества к тун-фэй, то была бы совсем глупой.

Си-фэй не была женщиной, искушенной в интригах, но ее интуиции хватало, чтобы понять: Владыка, что на словах был так страстно влюблен в нее, ограничивал свою балованную любовь лишь пределами женских покоев. А вот брат тун-фэй имел великие заслуги перед государством, и тронуть его было невозможно.

Она понимала, что ей не пошатнуть положение тун-фэй, и если она попытается разбить яйцо о камень, то лишь погубит себя и сына.

Оставалось только терпеть.

Война когда-нибудь закончится, и тун-фэй тоже потеряет влияние.

Вот когда наступит то время...

В душе си-фэй мелькнула тень ядовитой ненависти, от которой она сама тут же содрогнулась. При мысли о том, как тун-фэй на словах проявляет заботу о ней с сыном, а втайне устраивает ловушки, си-фэй снова охватило чувство беспомощности и одиночества.

— Мне суждено всю жизнь бороться с этими тварями в человеческом обличье, — с печальным видом прошептала си-фэй. — Кому вообще в этом мире можно доверять?

Услышав это, Ицю тут же опустилась на колени перед си-фэй и искренне произнесла, снизу вверх глядя на нее:

— Госпожа, не печальтесь! Слуга до смерти верна вам. У нас есть еще матушка Го, есть Чуньфан и Сяо-шицзы. Какая бы буря ни бушевала снаружи, мы с госпожой едины помыслами! Слуга жизнью готова рисковать, лишь бы защитить вас от непогоды!

Воспользовавшись случаем, Чуньфан упала на колени и со слезой в голосе проговорила:

— Раба до смерти верна госпоже! Вот только есть одно дело... не знаю, стоит ли о нем говорить, ведь если скажу, то боюсь навлечь на госпожу новые сомнения и тревоги.

Ицю обернулась к ней и с нетерпением спросила:

— Что за дело? Тебе поручили следить за седьмым принцем именно для того, чтобы избежать беды. Если что-то есть, не утаивай, немедленно доложи госпоже!

Чуньфан уткнулась лицом в пол и дрожащим голосом произнесла:

— Несколько раз после занятий раба замечала, что новый маленький компаньон его высочества, господин Лу Цзыяо... не покидал дворец, чтобы вернуться к себе...

Си-фэй недоуменно спросила:

— И куда же он ходил?

— Он несколько раз ходил во дворец ЧуСю...

* * *

Закончив занятия, Лу Цзыяо вместе с седьмым принцем вернулся во дворец Цинцун и попросил аудиенции у си-фэй, намереваясь продемонстрировать госпоже результаты их воспитания за последние дни.

Пока слуга ходил докладывать, Лу Цзыяо взял седьмого принца за руку и снова провел репетицию:

— Когда сейчас увидим госпожу, что скажет ваше высочество?

Седьмой принц, увлеченный своей тигриной тряпичной игрушкой, ответил не поднимая головы:

— Я так уста-а-ал.

Лу Цзыяо вытаращил глаза:

— Ваше высочество больше не хочет молока?

Тельце седьмого принца содрогнулось. Он поднял голову и серьезно прорепетировал:

— Дитя расскажет матушке историю!

Только тогда Лу Цзыяо со спокойным сердцем кивнул.

Доложивший слуга поспешно вошел в гостиную и сообщил:

— Госпожа сегодня себя неважно чувствует, молодому господину лучше прийти в другой день.

Лу Цзыяо обомлел, не ожидая, что его поцелуют запертую дверь.

Это было весьма необычно. Обычно си-фэй относилась к нему с искренним теплом и жаждала, чтобы он каждый день приходил разделять трапезу с Седьмым. Даже если у нее не было сил, есть-то все равно нужно! К тому же Лу Цзыяо не требовал от си-фэй никаких усилий по приему гостей. С чего бы ей отказываться от встречи?

По натуре он был осторожен и подозрителен. Проведя немало времени в этом дворцовом «детском саду», в последние дни он немного ослабил бдительность и теперь забеспокоился: не упустил ли он чего-нибудь и не обидел ли си-фэй?

Император мог в любой момент заговорить с си-фэй о поездке в Башу, и Лу Цзыяо был обязан предупредить ее как можно скорее. Как только она согласится перед Императором, назад пути не будет.

В любом случае, раз уж си-фэй не желает его видеть, заставить ее нельзя. Перед отходом Лу Цзыяо велел седьмому принцу рассказывать историю только тогда, когда они пойдут к матушке вместе.

Вернувшись в усадьбу, Лу Цзыяо встретил служанку старой госпожи, которая пришла забрать его в главный двор. Она сказала, что из поместья привезли свежих речных улиток и крабов.

Сюэ Цюн тоже сидел в главной зале. Слыша это, он сглатывал слюнки и тут же тихо зашептал госпоже Чэнь, что тоже хочет крабов.

Госпожа Чэнь одним холодным взглядом заставила его замолчать, после чего снова приняла добродушный вид и со смехом проводила Лу Цзыяо и служанку старой госпожи. Но едва они ушли, она схватила Сюэ Цюна за ухо и сурово крикнула:

— Никчемный ты бездарь! Только и умеешь, что петушинные бои устраивать да собак выгуливать, и каждому встречному глупо улыбаться! А перед старой госпожой улыбнуться — так сидишь как пень! Еще и крабов захотел? Если бы у тебя было хоть в половину столько ума и удачи, как у Лу Цзыяо, я бы небеса благодарила!

<http://bllate.org/book/18379/1766816>